

ПРАЗДНИЧНО и деловито проходил фестиваль театров юного зрителя в Таллине. Днем — помини, дискуссии с участием зарубежных гостей из Болгарии, ГДР, Италии, Франции, Югославии. Вечерами — спектакли детских и молодежных театров Риги, Вильнюса, Минска, Таллина.

Это второй фестиваль театров, организованный по инициативе кабинета театров для детей ВТО и Советского центра Международной ассоциации театров для детей и молодежи (в прошлом году в Баку собрались труппы Закавказья). По тому, как увлеченно общались, спорили не только руководители театров — они видятся чаще, но и актеры — легко появляясь, настолько необходимы подобные встречи.

Заключительная конференция была посвящена теме «Проблемы современной режиссуры в молодежных театрах». Тема эта возникла не случайно: в труппы приходят молодые режиссеры — дерзавшие, ищущие, но подчас недостаточно глубоко осознанные художественно-педагогическую миссию театра для детей, его специфику. В чем сущность современного режиссерского решения спектакля? Как отражаются поиски острой сценической формы на актерском исполнении? Какие требования предъявляют к режиссуре детский театр? Отвечать на эти вопросы надо творчески, спектаклями, всей жизнью театра.

Театры Прибалтики в большинстве своем молоды, стремятся идти непотоптанными путями в поисках репертуара, режиссуры, актерского исполнения.

Большой интерес вызвали спектакли Рижского театра «Город на заре» А. Арбузова (русская труппа) и «Последние М. Горького (латышская труппа), поставленные А. Шапиро. В поэтическом выступлении и спектакле «Город на заре» — строки Блока и мощное пение «Интернационала».

В спектакле присутствует пафос героики поэзии. Здесь и репликационные песни тет-лет, и шуточно звучащие «Амурские волны», и чей-то тоскливый, одинокий напев. Все сплелось воедино: лирика, любовь. Спектакль выстроен смело, с неуверенной режиссерской фантазией, на контрастнейшей смене ритмов и состояний. Своеобразная сценическая конструкция М. Китаева дает возможность создавать эффектные мизансцены.

Но наступает минута, когда ощущаешь — утренняя грань, обаяние режиссерской выдумки уже не помогает, а мешает исполнителю. Незооценка актера — явление, присущее многим молодым режиссерам. И, может быть, поэтому в спектакле мало настоящих больших актерских удач.

В Эстонском театре у Вольдемара Паисо в «Весне» О. Лутса также есть присущие только ему сценические видения и открытия. Он сразу предлагает свои «условия игры»: в ролих подростков мы видим взрослых актеров, которые не чувствуют себя неудобно в мальнишеских костюмах. Для них важно внутренне ощутить и донести до зрителя сложный, неповторимый мир детства. И когда эти «условия игры» принимаются, то невольно подластившись под обаяние режиссерской фантазии и актерской непосредственности. Паисо говорит с юным зрителем как равный, как друг, озорничает, есележит, шутит. В спектакле вынуждено сочетаются гротеск, ирония, лиризм, поэзия. Затороп, озорно летят «сезонки» в зрительный зал, ребята бегают по сцене, как по лужу катка, поет шарнирщик... И через все это — смешное, наивное, трогательное —

проступает огромная, щедрая, чуждая красота детства, человеческой нежности, когда созревает характер, пробуждаются думы о добре и зле, о жизни и любви, когда за безжизненными продолжениями и проказами личностей угадывается будущее этих мальчишек.

Литовский молодежный театр (так здесь называют театр) работает трудно, не имея своего помещения. Коллектив молод, полон сил и надежд. Здесь идут спектакли самых различных жанров, созданы ясамблы пантомимы, исполняются старинные народные многоголосые песни. Возглавляет театр творчески неутомимый Витаутас Чибрас. Он поставил «Проделки Скапена» как народное площадное зрелище с вокальными интермедиями, шутиль-

ки определяют общую направленность постановки. В Прибалтике не любят, стыдятся слова тют, детские театры называют себя «молодежными». В их репертуаре меньше всего пьес для детей, особенно для подростков, а это, как известно, основной возраст для любого театра юного зрителя.

И еще одно немаловажное обстоятельство: государство отступает этим театрам значительную дотацию. А что идет на сцене трупп? В Риге — «Матушка Кураж», «С вечера до полудня», в Вильнюсе — «Стекланный зверинец», «Огняний во дворе», «Дракон», в Таллине — «Дикая утка», «Милый лжец», «Антигона».

Можно не возражать против отдельных пьес, если они совпадают с творческими чаяниями режиссера и актеров. Но ведь же большинство в репертуаре. Как правило, спектакли для молодежи и взрослых отдаются на однополье, и мастерство, и подлинная увлеченность. На фестивале не были показаны спектакли о советских школьниках, о наших современных ребятах, сверстниках юных зрителей. Таких спектаклей нет в труппах Прибалтики. Ни одного.

Полобное положение воздвигается в принципе, обосновывается теоретически и практически. На заключительной конференции А. Шапиро говорил о своем неприятии театра детства: его возмущают проблемы «девятнадцатилетних». Часто ссылаются на особые условия национальных республик, на отсутствие юных зрителей. Но вот несколько цифр. В 1969 году в Рижском театре — 6 постановок для детей показали 202 раза, их посмотрели 102 919 зрителей, а все остальные 19 постановок — всего лишь 187 раз для 74 892 зрителей. Пять лет подряд юные рижане смотрят «Красных дьяволов», отнюдь не из-за высоких художественных достоинств постановки: просто другого не нет.

В Эстонском театре только три детских спектакля — «Весна», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Летающие тарелки» — выдержали 113 представлений и собрали 60 тысяч зрителей — больше, чем все остальные постановки вместе взятые. Потребность в детских спектаклях огромна. Как не согласиться со словами Б. Галагги: «Не слишком ли мы легко изменяем детям?»

Репертуар, режиссерское решение спектаклей для детей и подростков — проблемы отнюдь не местные, присущие только театрам Прибалтики. Как ни парадоксально, но с приходом молодой режиссуры произошло резкое «возросление» репертуара трупп, где даже ставятся «Варшавская история», «Пять вечеров». Это приводит к отходу от педагогических, воспитательных задач театрального творчества для детей.

Детский театр (как бы он ни назывался) существует для юных зрителей — неужели это нужно доказывать после полувекowego пути, пройденного театрами страны?

Много жгутих, воляющих проблем было поднято, творчески обсуждено на минувшем фестивале. Эти встречи не пройдут бесследно, заставят задуматься над завтрашним днем детского театра.

«Жить с открытыми глазами и открытым сердцем» — призвала М. Клебел, завершая конференцию. Я бы добавил — и с любовью к детям, которым мы отдаем наше искусство и нашу жизнь.

ТАТ.ЛИН.

С ЛЮБОВЬЮ К ДЕТЕМ

Н. ПУТИНЦЕВ,
заслуженный работник
культуры РСФСР

ия тирадами, импровизацией. Актеры чуждого полет, пластичны, легко действуют в стремительном ритме сценического действия. Но... суматоха событий, разыгрыва, бесконечные потасовки постепенно начинают утомлять, за гротесковыми буффонскими масками не просвечивает сердцевина живых чувств и характеров. Не об этом ли в свое время предупреждал К. С. Станиславский: «Настоящий гротеск — это внешнее, наиболее яркое, смелое отражение огромного, всеисчерпывающего до преувеличенности внутреннего содержания».

В Белорусском театре тоже много молодежи: молод и главный режиссер Б. Галага. Театр показал на смотре один из своих любимых сказочных спектаклей — «Чудесную дудку» В. Вольского (постановка А. Григорьянц). В спектакле есть подлинная детскость, народность. Интересны исполнители основных ролей: В. Турчинов — Янка, В. Лебедев — Король. Однако порой кажется, что спектакль недостаточно развивает рамки художественного восприятия юного зрителя, не несет радости творческих открытий.

Итак, современная молодежь режиссуры ищет, ошибается, побеждает. Результатам этих поисков я vimos случать могут позавидовать и поставленные старшей театры. Но всегда ли они находятся в русле педагогических принципов искусства для детей? На прошлогоднем фестивале в Баку «ошоломил» спектакль Грузинского театра «Красная шапочка», где Волк и Лиса извращались в ультрасовременных тапсах. В рижских «Последних» Вера, возвращаясь в родной дом от Яковлева, оривает с себя невинистую, ослепляющую одежду, и на какое-то мгновение остается совершенно обнаженной. В «Весне» как безобидная шалость воспринимается сцена, когда подростки являются злыми. А так ли это безобидно в жизни, и, наверное, совсем не смешно? В конце концов дело не в этих эпизодах — их легко снять, переделать. Но подобные эпизоды перек-